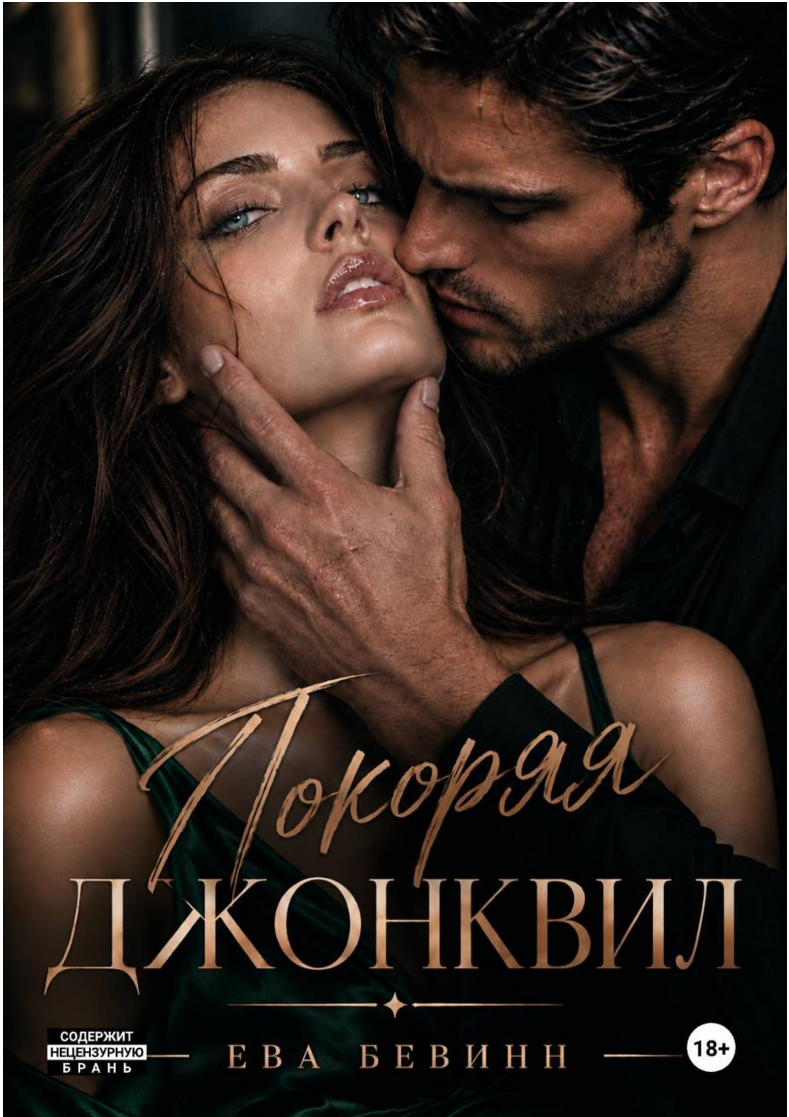
Покоряя
ДЖОНКВИЛ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
ЕВА БЕВИНН
18+

Ева Бевинн
Покоряя Джонквил

https://litres.ru/74659397
SelfPub; 2026

Аннотация

Она сбежала от мужчины, который считал её своей. И встретила того, которого опасно захотеть.

Год назад Джонквил Джонс вырвалась из отношений, где любовь стала синонимом контроля. Она сменила квартиру, замки и всю свою жизнь. Но прошлое не отпускает: незнакомые сообщения, чужой взгляд за окном, пугающее ощущение, что Ной по-прежнему знает о ней всё. Он не умеет проигрывать. И не собирается отпускать её.

А потом появляется Джейден Армор.

Безупречный костюм, тёмные волосы, спокойный голос и взгляд мужчины, привыкшего держать всё под контролем. Он замечает опасность раньше остальных, но сам становится угрозой для душевного равновесия Джонквил. Она бросает ему вызов, видит за его маской нечто большее и пробуждает желание, которому он не привык сопротивляться.

Между ними вспыхивает притяжение, от которого невозможно скрыться. Каждый взгляд — провокация, каждое прикосновение — обещание.

18+

Ева Бевинн
Покоряя Джонквил

Предупреждение

Эта книга — тёмная романтика о любви, страхе и контроле. О том, как легко потерять себя в отношениях и как трудно снова обрести право распоряжаться собственной жизнью.

В романе затрагиваются темы и присутствуют сцены, которые могут оказаться тяжёлыми для некоторых читателей:

физическое и психологическое домашнее насилие, газлайтинг и контроль со стороны партнёра;

сексуальное насилие в воспоминаниях героини, без подробного изображения;

удушение;

преследование, слежка, незаконное проникновение в дом и скрытая камера;

шантаж и угрозы;

посттравматическое стрессовое расстройство, война, пытки и гибель людей;

откровенные сексуальные сцены, в том числе с элементами доминирования, основанными на взаимном согласии;

ненормативная лексика.

Насилие здесь не преподносится как проявление любви. Оно оставляет следы, отнимает свободу и заставляет человека сомневаться в себе. Эта история не скрывает цену,

которую приходится платить за жизнь рядом с тем, кто причиняет боль, и за попытку вырваться из этого круга. Даже главный герой не идеален: он ошибается, причиняет боль и сталкивается с последствиями собственных поступков.

Книга предназначена для читателей старше 18 лет.

Пожалуйста, берегите себя. Если во время чтения какая-то сцена окажется слишком тяжёлой, сделайте паузу или отложите книгу. Вы всегда можете вернуться к ней позже — или не возвращаться вовсе.

И если вы сами переживаете нечто подобное или беспокоитесь за близкого человека, помните: вы не обязаны справляться в одиночку. Обратитесь за помощью к специалисту или на горячую линию поддержки пострадавших от домашнего насилия в вашей стране.

1. Джейден.

Первым делом я пересчитал выходы. Привычка, которую не вытравили ни годы, ни смена профессии. Бар поставили на вечер у служебного входа — так кейтерингу было удобнее, а мне проще: дверь за стойкой вела во двор. Пожарная лестница в конце левого коридора. Застеклённый балкон, с которого при необходимости можно уйти по водостоку. Охраны — четверо на сотню гостей: двое у входа, один у гардероба и самый ленивый — у лифта, уткнувшись в телефон. Колонны справа перекрывали обзор, угол бара оставался слепым для камер под потолком, а на дальней стене висело полотно раз-

мером с дверь, которым при желании можно было бы спрятаться.

Меня никто об этом не просил. Её книгу три недели назад принесла на сеанс моя пациентка — положила на стол и сказала: «Это про меня. Откуда она знает?» Я прочитал за одну ночь. Роман был о потере, но между строк — о другом: о человеке, который годами живёт рядом с тем, кто решает за него. Так точно это не придумывают. Так пишут изнутри.

Я добыл приглашение у знакомого организатора, чтобы посмотреть на женщину, которая это написала. И уже через минуту, стоя с бокалом шампанского, знал, где в этом зале можно умереть и откуда сюда проще всего войти.

Зал гудел: звон бокалов, приглушённый смех, щелчки камер. Вспышки, льстивые улыбки издателей. Презентация новой книги — выверенный спектакль, и главная роль в нём принадлежала Джонквил Джонс.

Я нашёл её взглядом и больше не отпускал.

Она стояла в центре зала, высокая и стройная, в строгом чёрном платье без единой лишней детали. Кивала, улыбалась уголками губ, говорила то, что от неё ждали. Психотерапевт во мне видел, как она читает людей: редактор нервничала из-за продаж, хотя улыбалась шире всех и третий раз за пять минут поправляла причёску; юная журналистка в углу хотела задать вопрос и не решалась, и Джонквил подошла к ней сама и сказала то единственное, что снимало тревогу. Работа тонкая, и те, кого так читают, обычно ничего не за-

мечают.

Но та часть меня, что считала выходы, видела другое. Объект под плотной защитой. Спиной к стене, обзор на весь зал, вокруг люди, которым она нужна, и ни одной открытой линии, по которой можно подойти незамеченным. Я встречал клиентов с охраной хуже. Едва ли она сознавала, что делает, но периметр построила так, как строят его те, кто однажды остался без защиты.

Меня притянула не красота. Красивых женщин я видел достаточно. Притянул контроль. В прошлой жизни я знал о людях вещи, которые не пишут в учебниках психологии. Она стояла всего в двадцати метрах от меня — холодная, собранная, закрытая наглухо. Ни единой зацепки, ни малейшей слабости, за которую можно было бы потянуть. И именно это разбудило во мне то, что привыкло распарывать людей по швам.

Затем я заметил его.

У дальней колонны, в слепой зоне камер, стоял мужчина в тёмном пиджаке. В руке он держал закрытый каталог. Остальные разглядывали книги, картины, друг друга; он смотрел только на неё. Не на сцену, не на людей рядом с ней, а на неё. Телефон он держал на уровне груди, прикрыв его каталогом. Снимал без вспышки, с отключённым звуком. Держал он его так, как держат камеру: локти прижаты к корпусу, перед каждым кадром короткая задержка дыхания. Положение корпуса не менялось, только взгляд время от вре-

мени скользил к экрану.

Профессиональная часть сработала сразу: так снимают не гости. Так снимают те, кто зарабатывает этим на жизнь, — и сегодня не хочет, чтобы это было видно. Значит, снимает не для себя. Вторая часть была хуже. Она говорила, что ему нельзя так на неё смотреть.

Я наблюдал за Джонквил полчаса и не обменялся с ней ни словом, и всё равно внутри поднялось то, чему я не позволял подниматься уже много лет, — собственнический рефлекс, острый и глупый.

К ней подошёл импозантный мужчина в твидовом пиджаке, критик или преданный поклонник, судя по тому, как бережно он прижимал к себе её книгу.

Я пошёл к ней не напрямую. Остановился у картины, пожал руку знакомому организатору, взял у официанта второй бокал, который не собирался пить. Двенадцать шагов, три остановки — и ни разу не посмотрел в её сторону.

— Мисс Джонс, — он произнёс её имя так, словно боялся ошибиться. — То, как вы описываете боль потери в пятой главе… Это невероятно. Вы раскрываете самые тёмные уголки человеческой души. Наверное, вы очень чувствительный человек. Ведь такую книгу не написать, не пропустив всё через себя?

Большинство женщин на её месте смутились бы, рассыпались в благодарностях или заговорили о тяжёлой природе творчества. Я смотрел на её профиль.

Джонквил медленно повернула голову. Губы тронула мягкая, понимающая улыбка, как раз такая, какой положено отвечать на комплимент.

— Пожалуйста, называйте меня Джо. А отвечая на ваш вопрос — наверное, — ровно и вежливо сказала она.

Мужчина расплылся в улыбке.

Но я стоял под правильным углом и видел её глаза.

Ни смущения, ни удовольствия от комплимента, ни даже привычной авторской гордости. Она улыбалась потому, что этого требовал момент. Не больше.

Я давно привык доверять телу больше, чем словам. Задержанный вдох, лишнее движение пальцев, взгляд, который уходит слишком рано. У Джо не было ничего. Либо внутри у неё пусто, либо она держит себя лучше всех, кого я встречал. Второе было интереснее, и интерес этот уже не имел отношения к профессии.

Я решил подойти. И знал, что не только из любопытства. Если встать между ней и колонной, объектив упрётся мне в плечо.

Я пересёк зал по диагонали и остановился слева от неё — вполоборота, левым плечом к колонне. Тот, в углу, теперь мог снимать только мою спину.

— Прекрасный вечер для чествования чужих травм, не находите?

Джо повернулась. Её взгляд прошёл по моему лицу, плечам, расслабленной позе. Я ждал дежурной вежливой улыб-

ки. Её не последовало.

— Люди любят читать о чужих травмах, — спокойно ответила она. — Это помогает им игнорировать свои. Вы тоже пришли за обезболивающим, мистер?..

— Джейден Армор. — Я протянул руку.

Она вложила длинные пальцы в мою ладонь. Кожа прохладная, пожатие твёрдое, без малейшей жеманности. Если она и поняла, зачем я встал именно так, то не показала.

— Джо.

— Я знаю. Трудно не знать имя той, чьё лицо на каждом постере в этом зале. — Я не отводил взгляда от её глаз. Искал намёк: желание понравиться, защитную реакцию, скрытое кокетство. Ничего. Гладкая, непроницаемая стена.

Я подошёл ближе, чем принято между незнакомцами.

Она понизила голос, чтобы слышал только я:

— Вы не похожи на моего типичного читателя, Джейден. — Она смотрела не мигая и оценивала меня холодно и быстро. — У вас слишком жёсткая стойка для человека, который пришёл полистать книги. Вы сканируете выходы, держите руки так, чтобы в любую секунду перехватить чужую, и пытаетесь подавить меня габаритами. Вы похожи на того, кто привык ломать кости. Так зачем вам моя книга? Ищете инструкцию, как собрать обратно то, что сломали?

Вокруг продолжали улыбаться: со стороны мы выглядели как автор и читатель, обсуждающие сюжет.

— А вы наблюдательны, — сказал я.

Она едва заметно прищурилась.

— Я писатель, Джейден. Моя работа — наблюдать за людьми.

— Моя тоже, — не отступая ни на миллиметр, ответил я.

Между нами происходило что-то гораздо тише страсти — невидимое столкновение двух людей, которые слишком хорошо привыкли держать себя в руках.

Мне до зуда захотелось найти шов в её броне. Я хотел этого для себя. Другой причины мне не требовалось.

— Что ж. — Она слегка склонила голову, вежливо закрывая разговор. — Надеюсь, вы найдёте в моей книге то, что ищете.

— Не сомневайтесь. Я всегда нахожу то, что ищу.

Она отвернулась и вернулась к гостям, снова становясь любезной хозяйкой вечера. Я поднял бокал в лёгком салюте, глядя ей вслед. Около дальней колонны уже никого не было. На полу лежал закрытый каталог.

И впервые подумал, что в этой партии игроков больше, чем двое.

2. Джонквил.

Домой я вернулась за полночь. Сняла туфли у порога, серьги — у зеркала, налила стакан воды и села на подоконник, не включая свет.

После каждой презентации я разбираю вечер, как черновик: по сценам. Что сработало, что нет, где я ошиблась с интонацией. Привычка старше моих книг.

Сегодня сцен было три.

Первая — угол. Я ощутила его присутствие, до того, как увидела. Кожа на затылке знает такие вещи сама: три года научили её отличать случайный взгляд от того, который не отпускает.

Я нашла его в отражении — в тёмном стекле витрины с первыми изданиями. Мужчина у дальней колонны. Ничего примечательного: ни лица, которое запоминаешь, ни одежды. Только одно. Все в зале двигались — к бару, к книгам, друг к другу. Он стоял на месте. И каждый раз, когда я поворачивалась, его рука с телефоном чуть поворачивалась следом.

Я не подала виду. Улыбалась, кивала, подписывала книги.

— Всё хорошо? — шепнул кто-то из организаторов, заметив, что я дважды обернулась.

— Всё прекрасно, — сказала я.

И решала, звать ли охрану. Охрана бы подошла, он бы извинился, сказал, что фотографирует для блога, и ушёл — с тем, за чем пришёл. Поэтому я никого не позвала. Если за тобой следят, лучше знать, где именно стоит тот, кто следит.

Вторая — твидовый пиджак. Поклонник с моей книгой, прижатой к груди, как икона. Пятая глава, боль потери, тёмные уголки души — он говорил то, что говорят все, кто хочет, чтобы автор оказался похож на свою книгу.

У меня для таких есть маска номер три: тёплая полуулыбка, чуть склонённая голова, выверенная доза скромности.

Он получил свою порцию тепла и ушёл счастливым. Это было легче, чем дышать. Это всегда легче, чем быть собой.

Третья сцена была не по плану.

Высокий широкоплечий мужчина у бара поставил бокал и пошёл через зал — неторопливо, без единого лишнего движения. Остановился неподалёку от меня, и его плечи закрыли тому, в углу, весь сектор съёмки. Со стороны выглядело так, будто он решил подойти поближе к виновнице торжества. Я поняла это сразу. А потом поняла, что он сделал это нарочно.

Вот тогда я посмотрела на него по-настоящему.

Костюм дорогой, но скроен свободно в плечах — чтобы не мешал двигаться. Вес на обеих ногах. Взгляд, который прошёлся по гостям рядом со мной и задержался на их руках, а не на лицах. На лицах задерживаются те, кто хочет понравиться. На руках — те, кто ждёт удара.

Не богатый сноб, забредший на книжную презентацию. Скорее всего, бывший военный. Может быть, даже наёмник.

Он подошёл, представился Джейденом Армором и заговорил первым — дерзко ровно настолько, чтобы проверить, надену ли я дежурную маску. Я не надела. Вместо этого сделала то, что он привык делать с другими: прочитала его вслух. Стойку, взгляд, руки. Всё, что он прятал под костюмом.

На долю секунды у него в глазах мелькнуло то, чего я не ожидала. Не удивление. Шок профессионала, которого впервые раскусили за десять секунд.

Ради этой доли секунды стоило прийти на собственную презентацию.

Он справился быстро. Большинство не справилось бы вообще. И напоследок сказал, что всегда находит то, что ищет. Таким тоном, каким не обещают, а констатируют.

Джейден ещё не дошёл до бара, когда у моего локтя возникла Маргарет — мой редактор, в платье цвета обложки и с бокалом, который она держала как скипетр.

— Кто это был? — спросила она, не разжимая улыбки.

— Читатель.

— Джо. Я двадцать лет работаю с читателями. Читатели так не стоят. — Она проводила его взглядом. — Если он купит сто экземпляров, я выйду за него замуж.

— Он не купит ни одного.

— Откуда ты знаешь?

— Он пришёл не за книгой.

Маргарет посмотрела на меня поверх бокала долгим редакторским взглядом — тем, которым она смотрит на рукопись, где героиня вдруг ведёт себя не по плану.

— Тогда за чем?

Я не ответила. Я и сама ещё не знала. Зато теперь, на подоконнике, в темноте, я призналась себе в другом.

Он стоял ближе, чем позволяют приличия, и я чувствовала его запах — древесный, с чёрным перцем и дымом. Видела, как ткань рубашки натягивается на груди, когда он вдыхает. Видела его руки: большие, спокойные, с белой полос-

кой старого шрама на костяшках. Руки, которые умели причинять боль и, судя по тому, как он держал бокал, умели это делать очень аккуратно.

Мне стало интересно, какими они бывают, когда не держат бокал.

Он смотрел на меня так, как мужчины обычно не смотрят на женщин на презентациях. Не скользил по фигуре, не задерживался на губах, чтобы я заметила. Смотрел целиком — как на задачу, которую уже решил и теперь наслаждается ответом.

Глаза у него были тёмные — в полумраке зала почти чёрные. Только когда он повернулся к свету, я разглядела, что они карие, с янтарной рыжинкой у самого края. Этот цвет никак не ввязался с тем, как он на меня смотрел: внимательно, не моргая, без единой лишней эмоции. Так тепло бывает в доме, где давно никто не живёт, — свет в окнах горит, а дверь заперта.

От этого взгляда у меня потеплела кожа под платьем, я разозлилась на себя за этот жар.

Я знаю таких мужчин по книгам. Не по жизни. В жизни я выбирала тех, кто безопасен, — и один из них оказался самым опасным, кого я встречала. А этот даже не пытался выглядеть безопасным. Он не прятал ни силы, ни голода. Он стоял рядом и давал мне их увидеть.

Такие в постели не спрашивают, чего ты хочешь. Они уже знают.

Мысль пришла сама, и я не стала её прогонять. Записала, как записываю всё: на полях, для себя. Пометка: опасен. Пометка: хочется узнать, насколько.

Я допила воду и посмотрела на улицу. Пусто. Мокрый асфальт, два фонаря, чья-то машина у пожарного гидранта.

Итог вечера был простым.

У меня завёлся тот, кто снимает исподтишка. От кого он, я не сомневалась: в последние недели в моей жизни снова замаячила тень, от которой я год назад ушла. Длинная, вежливая, терпеливая. Она не отстанет сама.

И рядом с этой тенью сегодня встал другой мужчина. Встал нарочно, не спросив, — и сделал это лучше, чем справилась бы вся здешняя охрана. Опасность его не отталкивала. Она его тянула.

Я позволила ему стоять рядом дольше, чем было нужно. Пусть тот, в углу, это снимет. Пусть тот, кому он отправит снимки, посмотрит, кто теперь стоит возле меня.

Мысль была холодной и некрасивой. Но я её не стыдилась.

Он думал, что заинтриговал меня своей наглостью. На самом деле меня заинтересовало то, чего он о себе не сказал. И если он из тех, кто правда всегда находит то, что ищет, — он вернётся.

Вот тогда и посмотрим, кто кого.

3. Джейден.

В шесть утра зал был уже открыт и пуст, и это меня устраивало. Я размотал бинты, затянул их заново на костяшках и

встал к тяжёлой груше в дальнем углу, где не доставал свет из окон.

Первый удар отдался в плечо знакомой тупой болью. Следующий удар я вложил так, что цепь застонала. Третий, четвёртый. Я бил методично, без ярости напоказ, перенося вес с ноги на ногу, и постепенно загонял внутрь мысль, что не давала мне спать с самого вечера презентации.

Меня бесило не то, что она мне отказала. Отказы я переживал легко, они входили в правила любой игры. Меня бесило, что она меня разглядела.

Годами я втискивал то, чем был раньше, в костюм доктора Армора. Учился улыбаться правильной частью лица, держать руки так, чтобы они не выдавали привычки, говорить голосом психотерапевта, а не костолома. Я отшлифовал эту маску до того, что сам иногда в неё верил. А Джонквил Джонс посмотрела на меня десять секунд и прочитала всё: стойку, взгляд, руки.

Она сказала, что я привык ломать кости. Сказала так спокойно, что я не сразу понял, насколько точным был удар.

Груша качнулась от прямого, цепь коротко звякнула. Я придержал её ладонью.

Она не мишень. Я зашёл в тот зал, оценивая выходы и охрану, разглядывая её как объект, который интересно вскрыть, а вышел, понимая, что вскрыли меня. За один вечер. Равный противник. Я не встречал равных уже очень давно, и я поймал себя на том, что бью по груше жёстче, чем

нужно.

Я закончил, когда футболка промокла насквозь, а в голове наконец стало тихо.

Дома я не полез в сеть. Публичные профили — мусор, отполированный пиар-агентами до блеска; из них узнаёшь, что человек хочет показать, а не что он прячет. О Джонквил Джонс я и так знал больше, чем сказали бы десять статей. У меня была её книга.

Я забрал её вчера с презентации и до сих пор не открывал. Теперь сел с ней к окну, нашёл пятую главу — ту, о которой захлёбывался мужчина в твиде, — и начал читать не как читатель, а как следователь, который ищет в показаниях правду между строк.

Текст был хорош. Слишком хорош для человека, который не знает, о чём пишет. На третьей странице я поймал себя на том, что задержал дыхание.

Боль там была настоящая. Но я читал дальше и видел, что она с ней сделала.

Она её не выплеснула. Она её выстроила. Каждая фраза стояла на своём месте, каждая рана была вскрыта ровно настолько, насколько требовал эффект, ни капли лишнего, ни одного срыва в настоящий, неконтролируемый крик. Любитель написал бы это грязнее и честнее. Она написала чище, потому что держала перо так же, как держала лицо вчера в зале.

Люди, которые настолько контролируют текст, не теряют

контроль в жизни. Она не жертва своей боли. Она монетизировала её. Превратила раны в товар и выставила на витрину. Смотреть можно. Трогать нельзя.

Я закрыл книгу. Теперь я понимал, зачем она выстроила вокруг себя эту защиту. Оставалось выяснить, от какой угрозы она продолжала прятаться.

Вечером в ресторане было шумно. Колден Боуман, мой старый друг и, пожалуй, единственный, кто знал меня до доктора Армора, уже сидел за столиком, лениво помешивая лёд в стакане с бурбоном. Мне не нужно было, чтобы он пробивал её по базам. Мне нужен был другой слой информации — который живёт в светских разговорах и не оседает ни в одной статье.

— Ты выглядишь так, словно кого-то мысленно препарируешь, — бросил он вместо приветствия. — Выкладывай.

— Джонквил Джонс. — Я заказал виски. — Что о ней говорят в твоих кругах?

Колден приподнял бровь, но расспрашивать не стал. Он слишком любил сам процесс рассказа.

— Ледяная королева. Безупречные манеры, все её обожают, но никто её не знает. — Он отпил бурбон. — А что именно тебе нужно?

— Как можно больше информации. — Я повернул стакан на салфетке. — С кем она общается? Как ведёт себя, когда ей скучно? Кто из её мужчин не смирился с тем, что всё кон-

чено?

Тот, в дальнем углу, снимал не для себя. Значит, за ним кто-то стоит. Чаще всего это бывшие.

Он усмехнулся, оценив точность вопросов, и откинулся на спинку стула.

— Когда ей скучно, она становится ещё вежливее. Это, кстати, страшнее всего — по ней невозможно понять, презирает она тебя или нет. Не общается почти ни с кем близко, кроме одной подруги, кураторши из галереи современного искусства. А мужчины… — Он задумался, выуживая из памяти нужное имя. — Был один. Ной, кажется. Голдберг. Встречались прилично долго. Разошлись примерно год назад, и, говорят, разрыв он пережил плохо. Я его видел пару раз после: вежливый, улыбчивый, а говорит о ней так, словно она в отпуске, а не ушла навсегда. Из тех, кто искренне не верит, что его бросили.

Он сказал это легко, между глотками, как очередную сплетню. Для меня эти слова легли рядом с тем, что я видел вчера, и картинка начала складываться. Не до конца. Белых пятен ещё много.

Ной Голдберг.

Я снова вспомнил мужчину в углу зала — телефон на уровне груди, лицо почти скрыто за каталогом, взгляд всё время на ней. Тогда я решил, что он работает на какую-нибудь жёлтую газету. Теперь версия изменилась.

Возможно, совпадение. Возможно, нет. Но бывший, кото-

рый не принял разрыв, и неизвестный, который тайком фотографирует её спустя год после расставания, — слишком удобная пара случайностей, чтобы я мог её игнорировать.

Если тот фотограф действительно работал на Ноя, это многое объясняло. Если нет — я просто ошибся с первой версией. Проверю.

Я сложил вместе три вещи. Ледяное спокойствие Джо вчера, когда я навис над ней вплотную. Слова Колдена. И того, кто снимал её тайком.

Она не замерла от моего напора. Не испугалась, не растерялась, не поплыла. Она стояла неподвижно. За несколько секунд поняла, что происходит, и решила, как этим воспользоваться: я сам, по собственной воле, встал между ней и объективом, а мои габариты закрывали её лучше любой охраны. Но стоило мне это сделать — и она мгновенно сообразила, как обратить ситуацию в свою пользу. Не отступила, не свернула разговор, а удержала меня рядом как раз столько, сколько ей было нужно, позволяя мне думать, что инициатива остаётся за мной.

Я пришёл сам. Она лишь поймала момент и использовала его — холодно, точно, мгновенно. Любого другого на моём месте это бы задело. Я сидел, глядя в стакан, и мне стало жарко. Не от виски. И точно не от обиды. Она не только прочитала меня за десять секунд. Она тут же нашла мне применение, не потратив ни одного лишнего движения. И это возбуждало сильнее, чем любое прямое приглашение, какое я

получал за последние годы.

— Джей. — Колден прищурился. — У тебя сейчас такое лицо, будто ты задумал что-то, за что я потом буду оправдываться перед общими знакомыми.

— Спасибо за вино, Колден.

— Я пил бурбон.

— Тем более.

Домой я вернулся за полночь. Свет не включал. Сел в кресло у окна, положил её книгу на колено и в который раз прокрутил в голове весь расклад.

У неё может быть тот, кто за ней охотится. Ной Голдберг. Пока только имя. Но имя у меня уже было. Слишком много совпадений, чтобы отмахнуться от этой версии, но этого недостаточно, чтобы назвать её фактом.

И есть я — единственный в том зале, кроме неё самой, кто заметил этого ублюдка, снимавшего её.

Вот что не отпускало меня сильнее всего. Не её холод, не её острый язык, не то, как ловко она удержала меня рядом, пока я закрывал ей сектор обзора. А то, что она стояла там, зная об охоте, и не дрогнула ни единой мышцей. Одна против того, кто снимал её телефоном, против своего прошлого, против целого зала, где её все обожали, и никто не знал. Держала лицо так, точно под ним ничего нет.

Но я читал её книгу. Я знал, что под ним есть, и знал, чего ей стоит это прятать.

Женщины, которые строят крепость без единой щели, де-

лают это не от силы. Так защищаются те, кому однажды некому было довериться. Она привыкла, что рядом нет никого, кто встал бы между ней и угрозой, — поэтому справляется в одиночку, и поэтому не ждёт помощи даже тогда, когда помощь сама подходит к ней вплотную.

Я подошёл к ней вчера из любопытства, которое бывает только к равным. Мне хотелось понять, откуда в ней этот лёд. Что заставило умную, живую женщину запаять себя в доспех и носить его, не снимая. Хотелось увидеть, что останется от неё, когда он наконец даст трещину, — и оказаться достаточно близко, чтобы поймать её в этот момент.

И ещё — разобраться с тем, кто снимал её из угла. Тихо. Раньше, чем она решит разобраться сама.

Играть с ней в загадочного ухажёра бессмысленно: она сожрёт эту роль и не поморщится. К ней нельзя зайти с парадного входа, который она держит открытым напоказ. Значит, зайду с чёрного хода — тем же способом, каким она читает других. Пойму, где женщина с её складом характера чувствует себя в безопасности, и окажусь там раньше неё.

Я смотрел на чёрную обложку в полумраке и думал: ты привыкла, что за твоей спиной никого нет, Джо. Привыкла держать оборону в одиночку.

Пора это менять. Хочешь ты того или нет.

4. Джонквил.

Спустя несколько дней после презентации я сидела в своём кабинете и методично уничтожала собственную нервную

систему.

Передо мной лежал писательский натюрморт: раскрытый ноутбук, остывший кофе, стопка заметок, исчёрканный лист с пятью вариантами названия и насмешливо пустой документ на экране. После двух лет изматывающей работы над предыдущим романом я наконец получила свободу написать что-то новое. И вот уже час гипнотизировала мигающий курсор.

Напечатала предложение. Посмотрела на него. Стёрла. Напечатала второе. Стёрла.

Я не из тех, кто верит в страх чистого листа. Моя проблема сидела глубже и имела имя.

Тот вечер я разобрала на детали, как шахматную партию после проигрыша, которого не было. Я не проиграла. Партия вышла чистой, выверенной до последнего хода. Тип, снимавший меня из тёмного угла, зафиксировал лишь то, что я хотела ему показать: рядом со мной стоит мужчина, от которого лучше держаться подальше. Тот, на кого работал фотограф, — а я не сомневалась, что это Ной, — получил картинку, которая должна была охладить его пыл. Мне казалось, что я свела к нулю чужую угрозу, не шевельнув и пальцем, и от этой мысли мне стало хорошо. Холодно и хорошо.

Беспокоило меня не это. Беспокоил сам Джейден Армор.

Я повидала достаточно красивых мужчин. Умных — тоже. Богатых, наглых, харизматичных: моя профессия предполагала вращение в кругах, где самомнение было основной ва-

лютой. Все они раскладывались по полочкам за первые пять минут. Джейден не раскладывался. Я раз за разом возвращалась к одному и тому же ходу и не находила ответа.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Никки: Я у тебя через двадцать минут.

Я набрала: *Нет.*

Ответ прилетел мгновенно.

Никки*: Отлично. Тогда через пятнадцать.*

Я закрыла лицо руками. Для Никки приглашение всегда было скучной бюрократической формальностью.

Через четырнадцать минут она открыла дверь своим ключом и ворвалась в квартиру — взбалмошная, громкая и переполненная энергией, от которой у нормальных людей начиналась мигрень. Никки любила меня. Не мои книги — меня, что само по себе было аномалией.

— Ты вообще понимаешь, насколько ты ненормальная? — заявила она вместо приветствия, сбрасывая туфли посреди коридора.

— Спасибо.

— Это был не комплимент.

— Я знаю, Никки.

Она прошла на кухню и по-хозяйски распахнула дверцу холодильника.

— Твой мозг — это незаконное оружие, — продолжила она, критически осматривая пустые полки. — Нет, серьёзно. Я вчера перечитывала твоё последнее интервью и дума-

ла: вот поэтому нормальным людям нельзя разговаривать с Джонквил Джонс после девяти вечера. Она вывернет их наизнанку и даже не извинится.

— Ты преувеличиваешь, — ответила я, прислонившись к дверному косяку.

И улыбнулась, хотя не собиралась. Она не преувеличивала, и мы обе это знали. Странная штука: для всего мира у меня было одно лицо, отлаженное до мелочей, и только с Никки оно сползало сам собой, без усилия с моей стороны. Рядом с ней мне не нужно было просчитывать, какую эмоцию выдать. Это была единственная известная мне форма отдыха.

— Ты ешь вообще? — Никки с возмущением захлопнула холодильник и потянулась к кофемашине.

— Конечно.

— Кофе не считается.

— Почему? В нём есть калории. Особенно если добавить молоко.

— Кви. — Никки выразительно закатила глаза. — Я однажды видела, как ты три дня подряд питалась минеральной водой и оливками.

— Я была занята.

— Ты была писателем за неделю до дедлайна. Это клинический диагноз.

Я чуть заметно улыбнулась.

Наблюдая, как она деловито заваривает себе кофе в моей кухне, я в который раз попыталась понять, почему так к

ней привязана. Обычно я прекрасно знала, зачем мне нужны люди: в моих связях всегда была структура. Кто-то полезен для карьеры, кто-то даёт информацию, кто-то обеспечивает статус или интеллектуальное удовольствие. Никки не давала ничего из этого списка. Ни связей, ни статуса, ни выгоды. И всё равно она была единственной, кого я впускала в квартиру без предупреждения и без самозащиты.

Возможно, я действительно её любила. Я давно перестала понимать, что вкладывают в это слово другие, но мне нравилось, когда она рядом. Нравилась её способность за пять минут превратить скучный вторник в локальную катастрофу и искренне считать, что всё идёт по плану.

Никки плюхнулась на диван, пристроив чашку на коленях, и кивнула в сторону кабинета.

— Ну? О чём новая книга?

— Пока не знаю.

— Прекрасно, — фыркнула она. — Обычно писатели хотя бы делают вид, что знают, о чём собираются страдать следующие два года.

— Я никак не могу сосредоточиться.

Никки прищурилась.

— У тебя кто-то появился?

— Нет.

— Ты слишком быстро ответила.

— Потому что ответ очевиден, Никки.

— Тогда почему ты сказала это так, словно тебя обвинили

в убийстве первой степени?

Я посмотрела на неё своим самым холодным взглядом, тем, что обычно заставлял людей извиняться и менять тему. Никки выдержала паузу в три секунды.

— О-о-о.

— Что?

— Кто.

— Никки, прекрати.

— Я даже не знаю, кто он, а уже его ненавижу! — радостно возвестила она.

Я сдалась. Спорить с Никки было бесполезно.

— Я встретила мужчину на презентации.

Никки просияла, подавшись вперёд.

— Мужчину? Настоящего?

— Да.

— Живого?

— Насколько я знаю.

— Уже многообещающе. Выкладывай.

Я коротко обрисовала ситуацию: как он стоял у бара, как подошёл, как не пытался мне понравиться и, главное, как легко и безжалостно поймал мою фальшь в разговоре с поклонником. О фотографе с презентации и о том, для чего мне пригодилось присутствие Джейдена, я умолчала. Это было пока не её дело.

Никки слушала, не перебивая, а потом вынесла вердикт:

— Да он тебя зацепил!

— Возможно.

— Кви, у тебя сейчас лицо женщины, которая только что призналась в государственной измене. — Никки рассмеялась. — Он необычный?

— Да.

— Красивый?

— Очень.

— Опасный?

Я задумалась, вспоминая его тяжёлый взгляд и то, как он двигался: без единого лишнего жеста, с контролем над каждым мускулом.

— Возможно.

Никки посмотрела на меня с неприличным интересом.

— Как думаешь, у него большой член?

Я театрально расширила глаза.

— Это был очень быстрый переход.

— Я стараюсь собрать полную картину, — невозмутимо ответила она. — Вдруг он опасный, красивый и при этом статистически разочаровывающий?

Я не выдержала и тихо рассмеялась.

— Не знаю.

— Жаль.

— Никки.

— Ну, что? Это важная характеристика мужчины.

— Для тебя.

— Для всех женщин с нормальной системой ценностей.

Я закатила глаза и тут же поймала себя на том, что представила Джейдена в постели.

— О, — протянула Никки, мгновенно уловив перемену в моём лице. — Ты об этом подумала.

— Я ничего не подумала.

— Кви.

— Я рассматриваю гипотезу.

Никки расплылась в торжествующей улыбке.

— Господи, ты мне так нравишься, когда пытаешься притворяться нормальной.

Телефон на журнальном столике ожил, экран мигнул уведомлением. Никки среагировала быстрее меня, вытянув шею.

— О, у тебя сообщение. От кого?

Я подняла телефон и перестала улыбаться.

Ной*: Привет, Джо. Давно не виделись. Может, выпьем на этой неделе?*

— От Ноя, — коротко ответила я, заблокировала экран и отложила телефон, без малейшего намерения отвечать. Руки остались спокойными. Лицо тоже. Но в голове к фотографу из галереи прибавился ещё один факт. Открытое, вежливое сообщение в лоб — и за ним то же самое, что все три года пряталось под заботой: уверенность, что я никуда от него не денусь.

— Твой бывший? Тот самый скучный Ной?

— Тот самый.

— И что ты ему скажешь?

— Ничего. Пусть повисит в непрочитанных.

Никки одобрительно хмыкнула и тут же забыла о Ное. Её куда больше занимал другой разговор, и я была ей за это благодарна. Про Ноя она знала ровным счётом столько, сколько знали все: скучный бывший, давно в прошлом. Про холодный осадок, который остался во мне, не знал никто.

Когда Никки, выпив кофе и перевернув половину квартиры вверх дном, уже стояла в дверях, натягивая пальто, я произнесла то, что весь день вертелось в голове, прежде чем успела себя остановить.

— Знаешь, что самое странное, Никки? Меня покоя лишает не физическое влечение. Мне хочется понять, что у него внутри. Что он прячет за этим своим чёртовым спокойствием.

Никки замерла, держась за ручку двери, и посмотрела на меня без тени привычной иронии.

— Кви. Это называется «он тебе нравится».

— Это называется «мне любопытно».

— Это называется «ты пропала», — поправила она и, подмигнув, захлопнула за собой дверь.

Я осталась одна. Тишина в квартире сделалась непривычно плотной — и в этой тишине, без свидетелей, можно было наконец не притворяться даже перед собой.

Я вернулась в кабинет, посмотрела на пустой экран. Мысли снова соскользнули к Джейдену. Привлекло меня не его

тело, не запах, не его широкие плечи.

Зацепило его «Моя тоже».

Мне понравилось, что он не отступил, когда я выстроила дистанцию. Что увидел фальшь и не испугался холода за ней. Но хуже всего было другое: мне нестерпимо хотелось узнать, как хорошо он на самом деле умеет читать людей.

Интересно, насколько точно он видит меня? — подумала я. И сразу следом, коротким уколом: *а я его?*

Я тряхнула головой, прогоняя это, и придвинула ноутбук. Хватит. Пора работать. Идея новой книги начала обретать слабые контуры. Я открыла документ и застучала по клавишам, описывая одного из персонажей. Мужчину.

Абзац за абзацем я выстраивала его характер, манеру держаться, тёмные глаза, фиксирующие всё вокруг. Закончив страницу, остановилась и перечитала.

Я описала Джейдена.

Стиснув зубы, я выделила текст и нажала «Delete». Экран снова стал белым. Вдохнула, начала заново, уводя образ в другую сторону. Через десять минут перечитала результат. Это снова был Джейден, в другом костюме.

Я раздражённо захлопнула ноутбук.

Отлично. Встретила мужчину один раз в жизни и уже превратила его в литературного персонажа. Абсолютно здоровое поведение взрослого человека.

Я встала, подошла к окну. Искать его я не собиралась. Не собиралась наводить справки или устраивать случайные

встречи — я знала лишь его имя. Глядя на город внизу, я признала один факт.

Я бы хотела увидеть его снова.

Что стало спусковым крючком, я не знала. Возможно, то, что впервые за долгое время передо мной оказался мужчина, которого я не смогла разобрать на детали за пять минут. А возможно, мне было интересно, насколько далеко он позволит мне зайти, если я попробую залезть ему под кожу.

Но если он из тех, кто всегда находит то, что ищет, — пусть найдёт.

5. Джейден.

Вычислить её оказалось проще, чем я думал, и это говорило о ней больше, чем любая справка.

Людей выдаёт не работа, а то, куда они прячутся. Джонквил Джонс весь день была на виду — значит, где-то она позволяла себе перестать играть. Не дома: если за ней следят, дом найдут первым — и она, судя по тому, как стояла на презентации спиной к стене, знала это лучше меня. Ей нужно было место, где вокруг люди, но никто не смотрит. Тихое, предсказуемое, куда не заходят случайно и где можно часами сидеть одной, не вызывая вопросов.

Я исходил из того, что знал о ней. Она не пьёт на людях. Держит руки занятыми. Садится так, чтобы видеть вход. Любит бумагу и тишину. Женщина с таким складом ищет не бар и не клуб, где нужно держать лицо, а место, где маску можно снять.

Читальный зал старого литературного общества на тихой улице в двух кварталах от её издательства подходил по всем параметрам: членство по рекомендации, глухие стены, мягкий свет, ни камер, ни случайных людей. Один звонок знакомому из попечительского совета фонда — и я узнал, что она числится там, и пришёл во вторник днём, когда зал почти пуст.

Она сидела в дальнем углу. Лицом к входу, спиной к глухой стене. Перед ней раскрытый блокнот, чашка чая, никакого алкоголя. Она выбрала единственную точку в помещении, которую я выбрал бы сам.

Она охраняла себя даже здесь, в месте, которое считала безопасным, не только из-за конкретной угрозы, но и потому, что иначе уже не умела. Так держатся те, за чьей спиной слишком долго никого не было.

Я пересёк зал и сел напротив, не спрашивая разрешения.

Она подняла взгляд от блокнота. Ни вздоха, ни удивления на лице — только короткая, быстрая работа мысли за ледяными глазами: как я её нашёл, что мне нужно, сколько у неё времени на оценку.

— Это закрытый клуб, — произнесла она, не повышая голоса. — Сюда не пускают с улицы.

— Меня и не пускали. Я вошёл.

Она выдержала паузу. Не улыбка — признание очка в мою пользу, сделанное про себя.

— Вы нашли меня, — сказала она. — Поздравляю. И что

дальше, Джейден? Будете ходить за мной по всем тихим местам города, пока я не начну вас узнавать по шагам?

— Не понадобится. — Я откинулся на спинку кресла, давая ей пространство. — Я пришёл один раз и по делу.

— У нас с вами есть дела?

— У вас есть проблема, которую вы считаете только своей. Я хочу поговорить о ней.

Она не моргнула, но поза стала чуть жёстче — почти незаметно, на один градус.

— У меня нет проблем, которые касались бы вас.

Я положил предплечья на стол, сокращая расстояние между нами. Воздух в зале был неподвижным, книжным, и в этой тишине мой голос прозвучал тише, чем я собирался.

— На презентации в слепой зоне у дальней колонны стоял мужчина. В тёмном пиджаке и с телефоном. Он не смотрел ни на книги, ни на сцену. Он снимал вас. Без вспышки, каждый раз, когда вы поворачивались к свету.

Теперь я получил реакцию. Не испуг — его не было и не будет, я это уже понял. Переоценку. Она пересчитывала меня заново, с учётом новых данных, и я видел, как в её глазах холодный интерес сменяется чем-то более пронзительным.

— Вы его видели, — сказал я. — Вы знали, что он там. И не позвали охрану, не ушли, не изменились в лице. Вы стояли и держали оборону в одиночку, как делаете, судя по этому креслу, всегда.

— Если вы ждёте благодарности за то, что перекрыли ему

обзор, — она чуть приподняла подбородок, — то можете её забрать. Было удобно. Не более того.

— Мне не нужна благодарность.

— Тогда что вам нужно?

Я помолчал секунду, выбирая правду вместо хода.

— Понять, зачем вы защищаетесь даже здесь, где вам ничто не грозит.

Она ответила не сразу. Я видел, как она взвешивает: принять меня за навязчивого самца, которого проще выставить, или признать, что я задал вопрос, которого ей давно никто не задавал.

— Вы говорите как мой бывший психотерапевт. Он тоже любил вопросы, на которые я не собиралась отвечать.

— Я не ваш психотерапевт. — Я выдержал её взгляд. — Психотерапевт слушает, чтобы поставить диагноз и отпустить. Я спрашиваю, потому что не собираюсь никуда уходить.

Вот тут она впервые не успела закрыться. Не слова, не жест — в её глазах мелькнула растерянность.

Она справилась быстро.

— Вы ошибаетесь во мне, Джейден, — сказала она. — За этой стеной, как вы выразились, нет трагической тайны. Нет сломанной девочки, которая ждёт, когда её починят. Есть женщина, которой удобно, чтобы к ней не подходили близко. Вы приняли систему безопасности за крик о помощи. Это распространённая мужская ошибка.

Она попала в цель. Но этот приём я знал слишком хорошо: за безразличием прячутся не те, кому нечего скрывать, а те, кто давно научился выдавать защиту за холод.

И всё же он попал. Не туда, куда она целилась. Она сидела напротив, прямая, холодная и недоступная, и спокойно объясняла мне, что я ошибся, — а у меня внутри разгорался острый, горячий интерес. Ни одна женщина ещё не разбирала меня так хладнокровно. Это меня завело — сильнее, чем я готов был себе признаться. Я поймал себя на том, что смотрю на её губы, на тонкую линию шеи над воротом, на пальцы, лежащие на блокноте. И на секунду, ясно, до мелочей, увидел другое: как смахиваю со стола её чай и блокнот, как укладываю её спиной на тёмное дерево, как её ледяное спокойствие рассыпается у меня под ладонями, как я медленно тяну вниз по её бёдрам тонкое кружево, и она не останавливает меня, а смотрит, и в этих голубых глазах наконец нет ни одной преграды, и…

Я оборвал мысль. Резко, как обрывают провод.

— Возможно, — согласился я спокойно. — А возможно, вы так долго держите эту стену сами, что уже не отличаете «мне удобно» от «мне больше не на кого положиться».

Она молчала. Короткое, плотное молчание, в котором я впервые почувствовал, что достал до чего-то настоящего.

Я поднялся. Задерживаться дольше означало бы передавить, а давить на неё бессмысленно — она только сильнее закроется. Прежде чем уйти, я наклонился к ней, достаточно

близко, чтобы она уловила, что это не угроза, а обещание.

— Я рассказал вам о нём не для того, чтобы напугать, Джо. Я собираюсь им заняться. До того, как он успеет сделать что-то, из-за чего вам придётся испугаться по-настоящему. Вам ничего не нужно делать. Просто привыкайте к мысли, что на этот раз вы не одна.

— Я не просила о помощи, — сказала она.

— Знаю. — Я выпрямился. — Люди, которые так хорошо защищаются, никогда не просят. Их приходится защищать, не дожидаясь просьбы.

Я пошёл к выходу, спиной чувствуя её взгляд. Она не окликнула меня, не бросила вслед колкость, оставив последнее слово за собой, как сделала бы, если бы разговор задел только её гордость. Она молчала, и это молчание говорило мне больше, чем любая реплика.

Я вышел на тихую улицу, застегнул куртку и достал телефон. Тот, кто снимал её, работал профессионально, но профессионал тоже оставляет след, если знать, где смотреть. У меня было описание, точное время и ракурс. Этого хватало, чтобы начать.

Прошло четыре дня, и это начинало меня злить.

Я сидел в кабинете и слушал монотонный голос очередного пациента, кивая в нужных местах. Доктор Армор работал исправно: правильные паузы, правильный наклон головы, правильные вопросы. А тот, кто прятался под этим ко-

стюмом, раз за разом возвращался в тихий читальный зал, к женщине в дальнем углу, сидящей спиной к стене.

Я не просила о помощи.

Я сказал ей, что не уйду. И ушёл. Это было частью расчёта, но расчёт не мешал раздражению.

Первые два дня ушли на фотографа. Я начал с того, что было под рукой: позвонил знакомому организатору — тому, кто достал мне приглашение, — и попросил список аккредитованной прессы. Он прислал его к вечеру. Четыре издания, шесть фамилий, лица на служебных пропусках. Ни одного похожего.

Значит, он пришёл без аккредитации. Затем я выяснил, какая кейтеринговая компания обслуживала вечер, и через их диспетчера нашёл бармена, стоявшего в тот вечер за стойкой. Двадцать долларов и пять минут разговора про «старого знакомого, которого я потерял из виду» дали мне больше, чем любой список. Бармен его помнил: взял одну газировку, оставил на чай пятёрку наличными и к стакану не притронулся. И один раз спросил, кто из гостей — Джонквил Джонс.

— Странный вопрос, — заметил бармен, — когда её лицо на каждом постере.

Странный для гостя. Нормальный для того, кто получил заказ по фотографии и хотел убедиться, что снимает того, кого нужно.

Дальше след обрывался. Для одного вечера работы —

слишком много осторожности. Это мне не нравилось сильнее всего: кто-то платил деньги за то, чтобы знать, где она и с кем.

— Ты опять о ней думаешь. — Голос Колдена вырвал меня из мыслей.

Мы сидели в баре, где подавали лучший скотч в городе. Я не заметил, как замер со стаканом в руке, глядя в одну точку.

— Нет, — отрезал я.

— Ты сказал «нет» и даже не спросил, о ком я.

Колден усмехнулся, сделал глоток и с удовольствием откинулся на спинку кожаного дивана.

— Ты хоть имя её уже научился произносить без этого своего психопатического выражения лица?

— Джонквил, — отчеканил я.

— Вот. Опять. — Колден покачал головой. Потом его лицо стало серьёзным. — Джей. Я видел, как ты разбираешь людей. Ты делаешь это с таким же выражением, с каким собирают пазл, и бросаешь, когда легла последняя деталь. А сейчас у тебя другое лицо. Ты не пазл собираешь. Ты заступил в караул. И, судя по лицу, без смены.

Отвечать было нечего: он попал точнее, чем рассчитывал.

— Ты с ней хоть как-то связывался после того, как вломился в её клуб? — спросил он.

— У меня нет её номера.

Колден отставил стакан и уставился на меня так, словно я сообщил, что разучился читать.

— У тебя и нет номера. Джей, ты можешь за вечер найти номер кого угодно в этом городе, включая мэра и его любовницу.

— Могу, — согласился я. — Не стал.

— Почему?

— Потому что она должна прийти сама.

Колден отставил стакан.

— Это новая стратегия соблазнения?

— Это единственный способ, которым к ней можно подойти и не получить захлопнутую дверь.

Я сказал это и понял, что объяснил сам себе то, что делал все четыре дня.

Её номер я мог достать за один звонок: знакомый организатор продиктовал бы его без вопросов. Я не позвонил. Не из гордости и не из тактики выжидания, которой учат в дешёвых книжках про отношения. Я видел, как она живёт: крепость, построенная так, чтобы никто не подошёл без разрешения. Всякий, кто давил на эти стены, получал отпор, и она привыкла, что давят все. Появись у неё на экране сообщение с номера, которому она своего не давала, я стал бы ещё одним в длинном ряду людей, от которых нужно обороняться. Я понимал, что однажды уже узнал о ней больше, чем она позволила, — когда вошёл в её клуб. Один раз. Второго она бы не простила. В клубе я сказал ей правду: я не уйду. Теперь мне нужно было, чтобы она увидела, что эта правда не означает осады. Защищать её я собирался в любом случае — это

решение принадлежало мне. Но следующий шаг навстречу должен был сделать не я. Она знала моё имя. Остальное при желании она могла найти сама, и я не сомневался, что искать она умеет.

Только она не искала. Или искала так, что я этого не видел.

Я ждал. Дисциплинированно, вопреки тому, что к четвёртому вечеру большой палец сам находил в телефоне контакт организатора и так же упорно отпускал экран. Я вёл себя ровно так, как когда-то учил вести себя других: не поддаваться первому импульсу, выдерживать паузу, давать пространство, в котором решение принимается без давления.

Хорошая теория. На практике она выглядела как мужчина, который каждые полчаса смотрит на номер, по которому не собирается звонить.

К концу четвёртого дня я признал очевидное. Тот, кому всё равно, не считает дни.

Я положил телефон на подлокотник кресла. Контакт организатора так и висел на экране, пока не погасла подсветка.

Четыре дня я держал дверь открытой и ждал, войдёт ли она. Ей это должно было показать, что мне можно доверять. Мне самому — что я умею ждать.

Пока выходило, что второе даётся мне хуже первого.

6. Джонквил.

Я не могла уснуть.

Не потому, что была взволнована — по крайней мере, я

предпочитала называть это иначе. Я лежала в темноте, глядя в высокий потолок спальни, и в который раз прокручивала в голове одни и те же десять минут в читальном зале.

Он сел напротив, не спросив разрешения. Положил руки на стол, и между нами осталось меньше полуметра. Я помнила, как он смотрел: не раздевая, не оценивая, а так, как смотрят на дверь, которую решили открыть, даже если придётся снять её с петель. Он ничего не сделал. Только сказал, что на этот раз я не одна, и ушёл.

Я отогнала воспоминание. Оно вернулось через минуту.

Оно всегда возвращалось одним и тем же кадром. Он наклоняется ко мне перед уходом, и его взгляд опускается на мои губы. Без спешки. Тёмные глаза, в которых не было ни вежливости, ни игры, — только тяжёлое, сосредоточенное внимание человека, который точно знает, чего хочет, и пока решил это не брать.

Я сжала простыню в кулаке. Тело помнило этот взгляд лучше, чем голова. Под кожей разливалось тепло, стекало в низ живота и отозвалось сладкой тянущей болью от одной только мысли о мужчине. Я представила, что он не ушёл. Что та рука, лежавшая на столе в полуметре от моей, легла бы мне на колено. Поднялась бы выше, под юбку, по внутренней стороне бедра, неторопливо так же, как он делал всё остальное. Что он смотрел бы мне в лицо, пока делает это, и ждал, когда я перестану держаться.

Я сжала бёдра и выдохнула сквозь зубы.

Моя собственная ладонь лежала на животе. Я поймала себя на том, что она уже скользит ниже, под кромку белья, — и остановилась. Убрала руку. Не потому, что стыдно. Потому что это значило бы признать, что он добрался до меня, даже не прикоснувшись.

Прошло четыре дня. Четыре дня полной тишины. Я сказала себе, что мне всё равно, и почти поверила — ровно до того момента, пока не поймала себя на том, что прислушиваюсь к шагам на лестнице и оглядываю каждое кафе, куда захожу. Ищу знакомые плечи в толпе.

Это бесило. Не он сам — то, что я засекала паузы.

Номера моего у него, похоже, не было, но я не сомневалась ни секунды: такой, как он, достал бы его за один звонок, если бы захотел. Значит, не захотел. Нашёл меня там, куда без рекомендации не пускают, произнёс несколько фраз, которые я до сих пор слышала, а потом развернулся и ушёл.

Я знала этот приём. Всю жизнь играла в эту игру, только с другой стороны доски. Молчание — тоже ход, самый дешёвый и самый эффективный способ заставить другого сделать первый шаг. Я использовала его на мужчинах десятки раз. И вот теперь кто-то спокойно применял его ко мне, и я, вместо того чтобы выбросить это из головы, считала дни.

Хуже всего было то, что я не могла назвать это нечестным. Он не давил. Не писал, не появлялся под окнами, не отправлял цветов. Он сделал то, чего я требовала от всех: оставил мне выбор. И оказалось, что выбор, предоставлен-

ный без давления, пугает сильнее любой осады. Осаду можно отбить. А тут нечего отбивать. Есть только дверь и вопрос, хочешь ли ты в неё войти.

Я перевернулась на бок, чувствуя злость на собственное ноющее тело. Обычно я контролировала дистанцию. Люди тянулись ко мне сами — за одобрением, за вниманием, за порцией моей мнимой эмпатии. Я считывала их желания за секунды и решала, насколько близко позволю подойти. Всегда я.

Джейден не просил разрешения приблизиться. Но и не взял того, что я ему не дала. Он подошёл достаточно близко, чтобы я почувствовала его вес, и остановился. И именно это остановившееся в полушаге присутствие не давало мне спать.

Телефон на тумбочке вспыхнул в половине второго.

Ной: Ты не ответила на моё сообщение. Это на тебя не похоже, Джо. Я понимаю, много работы. Утром в 8 буду в кафе на углу у твоего дома. Выйди на десять минут. Я подожду.

Через несколько секунд пришло второе.

Ной: И ещё. У тебя до сих пор горит свет. Надеюсь, дело не во мне.

Я посмотрела на ночник у кровати. Он горел. Я не гасила его пятую ночь подряд — с того дня, как вернулась из читального зала.

Я не выключила его. Не встала, не подошла к окну. Если

Ной стоял внизу, он увидел бы, как дрогнула штора, и это стало бы ответом. А отвечать я не собиралась.

Первое его сообщение я так и не открыла. Адрес он знал давно, с того месяца, когда я переехала сюда и решила, что начинаю с чистого листа. Новым было другое. Он снова смотрел.

Двое мужчин за одну неделю дали мне понять, что знают, где меня искать. Один нашёл и ушёл. Другой стоял под моими окнами, пока я не спала.

От второго у меня холодели пальцы. От первого теплело совсем в другом месте.

До утра я так и не уснула. В половине шестого написала Никки два слова.

Ты спишь?

Никки: *Теперь нет. Где?*

Круглосуточная закусочная на Второй авеню пахла жжёным кофе и беконом. Кроме меня в зале был только таксист у стойки, сонно ковырявший яичницу.

Никки влетела в половине седьмого — в пуховике поверх спортивного костюма, без капли косметики, со следом подушки на щеке. Упала на диванчик напротив и уставилась на меня.

— Ты написала мне первой, — объявила она. — В пять тридцать утра. Ты никогда не пишешь первой. Кто умер?

— Никто.

— Тогда кто родился?

Я обхватила ладонями кружку с кофе, который не собиралась пить.

— Он нашёл меня в клубе.

Никки моргнула. Секунду её мозг догонял тело, ещё не проснувшееся до конца. Потом глаза у неё округлились.

— Кто «он»? О. *Он.* С презентации. Тот, у которого всё под контролем.

— Да.

— В твоём клубе? Куда без рекомендации не пускают даже мэра?

— Да.

— Сам? Без твоего номера, без общих знакомых?

— Насколько я понимаю.

Официантка поставила перед Никки тарелку с блинчиками, которые та, оказывается, успела заказать по дороге. Никки отрезала кусок, не сводя с меня глаз.

— И что он сделал?

Я рассказала. Коротко, факт за фактом, тем тоном, каким диктуют показания. Как он сел напротив, не спрашивая разрешения. Что сказал. Как ушёл первым. О фотографе я снова умолчала.

Никки жевала медленно, переваривая не столько блинчик, сколько услышанное.

— Подожди, — сказала она. — Это когда было?

— Во вторник.

— Сегодня воскресенье. — Она отложила вилку. — Пять дней. И он больше не появлялся?

— Нет.

— И номер твой не пробил?

— Похоже, нет.

— И ты считаешь дни.

— Я не считаю дни.

— Кви. Ты только что сказала «во вторник», не задумавшись ни на секунду. Ты считаешь дни. — Никки откинулась на спинку диванчика с выражением радостного ужаса. — Господи. Он оставил решение тебе. Это самое изощрённое, что я слышала за год. Всё. Ты пропала.

Я промолчала. Таксист у стойки расплатился и вышел, звякнув колокольчиком над дверью.

— Ты из-за него не спала? — спросила Никки уже тише.

— Не только.

— А из-за чего ещё?

Я посмотрела в окно. Утренняя улица была серой и пустой, мусоровоз полз вдоль тротуара.

Одна фраза. «Ной стоял ночью под моими окнами». Никки отложила бы вилку и перестала шутить. Задала бы вопросы, на которые у меня не было ответов, — или были, но я не умела произносить их вслух. Никки знала скучного Ноя. Того, которого я сама когда-то для неё нарисовала.

— Книга не идёт, — сказала я.

Никки посмотрела на меня долго и внимательно.

— Врёшь, — сказала она наконец. — Но ладно. Сегодня я великодушна, у меня блинчики. — Она снова взялась за вилку. — Только ответь на один вопрос. Тебя не пугает, что этот твой мрачный красавец вычисляет, где ты бываешь? Чисто технически это крипово. Мужчина, которого ты видела дважды, находит тебя в закрытом клубе.

Я проверила это чувство честно, как проверяют больной зуб. Страх? Тревога? Желание сменить замки?

— Нет, — ответила я. — Не пугает.

— Почему?

— Потому что он нашёл меня один раз и ушёл. А мог бы стоять под окнами каждую ночь.

Сказала — и сама услышала, как это прозвучало. Никки, к счастью, не услышала.

— А что тебе в нём нравится, Кви? — спросила она, и шутки в голосе не осталось.

Я опустила взгляд на кружку и медленно провела пальцем по её краю.

— Что он умеет остановиться.

Я сказала это вслух и поняла, что это правда. Он не пытался заслужить моё внимание и не требовал его. Пришёл, показал, что видит меня насквозь, и отступил, оставив решать мне.

— Так чего ты хочешь? — спросила Никки.

Ответ оказался неприятно ясным. Не привязанность и не внезапная любовь. Азарт. И желание узнать, что будет даль-

ше.

— Хочу увидеть его снова.

— Он ведь ждёт, что ты его найдёшь.

— Знаю.

— И?

— И я ещё не решила, хочу ли доставить ему это удовольствие.

Никки склонила голову набок.

— Врёшь. Второй раз за утро, я записываю. Ты уже решила. У тебя лицо женщины, которая впервые в жизни обнаружила, что ей нравится, когда мужчина проявляет инициативу, а потом нарочно перестаёт её проявлять.

— Это не преступление.

— Нет. Но в твоём случае это историческое событие. Я должна позвонить в газету.

— Очень смешно.

— Я серьёзно. Ты всегда сама выбираешь, кто к тебе подходит, когда и зачем. А этот взял и сделал так, что теперь подходить придётся тебе. — Никки довольно ухмыльнулась. — И тебя это заводит. Дико заводит.

— Ты можешь хоть одно утро не формулировать всё настолько грубо?

— Могу. Но зачем?

Я рассмеялась против воли — впервые за ночь, которая наконец закончилась.

Никки удовлетворённо кивнула и подвинула ко мне свою

тарелку.

— Ешь. И последний вопрос. Когда ты его найдёшь — а ты найдёшь, я тебя знаю, — ты его поцелуешь?

Я замерла с вилкой у губ.

Никки расплылась в улыбке.

— Ага. Вот теперь я попала.

Я посмотрела на часы над стойкой. Без пяти восемь.

Где-то в двадцати кварталах отсюда, в кафе на углу моего дома, Ной садился за столик у окна и заказывал кофе. И ждал женщину, которая в это время ела чужие блинчики и смеялась.

Впервые за эту неделю мне стало почти легко.

7. Джейден.

О вечере в библиотеке я узнал случайно — вернее, позволил себе узнать.

Один из старых знакомых, чьё имя украшает едва ли не каждую доску меценатов в городе, обронил за ужином, что в пятницу открывают новое крыло городской библиотеки. Закрытый благотворительный приём, меценаты, издатели, несколько приглашённых авторов. Среди них Джонквил Джонс.

Я не стал расспрашивать. Не стал изображать вежливый интерес. Запомнил дату и перевёл разговор на другое.

Прошла неделя с того дня, как я сел напротив неё в читальном зале и пообещал, что не уйду. Неделя, за которую она не сделала ни шага. Не узнала, где меня искать, хотя имя

у неё было. Не появилась ни в одном месте, где могла бы «случайно» оказаться рядом. Я ждал семь дней и начинал понимать, что, возможно, она не придёт никогда — не потому, что не хочет, а потому, что не умеет. Та, кто всю жизнь сама решает, кого впустить и когда выставить, не знает, что делать с приглашением, у которого нет условий.

Я по-прежнему не собирался на неё давить. Писать, искать номер, ловить у подъезда — всё это было бы тем, от чего она защищается. Но и сидеть дальше, разглядывая погасший экран, я тоже не мог.

Решение оказалось простым по форме и сложным по сути. Я приду туда, где будет она. Не подойду. Не заговорю первым. Встану так, чтобы она меня увидела, и оставлю ей вторую возможность сделать шаг. На этот раз — в десяти метрах, а не в другом конце города.

Приглашения у меня не было, но это решалось одним звонком. Дэйв Уоллес, мой давний клиент, спонсировал фонд библиотеки и держал за ужином собственный стол.

— Мне нужно место рядом с вами в пятницу, — сказал я, когда он снял трубку.

— Без проблем, док. Внести вас как моего гостя?

— Как финансового консультанта. Вашим партнёрам незачем знать, что у вас есть психотерапевт.

Он засмеялся с облегчением — я оказал ему услугу, о которой он не просил. Я знал, что переступаю черту, которую сам рисовал для себя годами. Пациент не должен оказывать

мне услуг. Я позвонил всё равно.

Колден сказал бы, что я начинаю метить территорию. Я не согласился бы с ним из принципа. И соврал бы.

В пятницу вечером, застёгивая перед зеркалом рубашку, я поймал себя на мысли, которую неделю отгонял с привычной дисциплиной. Я хотел её. Не абстрактно и не как задачу, которую интересно решить. Конкретно и физически, так, как не хотел ни одну женщину уже очень давно.

Тело помнило её лучше, чем мне хотелось бы. Прохладу пальцев в моей ладони на презентации — короткое рукопожатие, которое я до сих пор чувствовал кожей. Тонкую линию шеи, место под ухом, где у неё бился пульс. Губы, которые она сжимала, когда собиралась сказать что-то колкое. По ночам я ловил себя на том, что представляю, какая у неё кожа там, где её никто не видит: на внутренней стороне бедра, на пояснице, у самого края белья. Тёплая ли она под этим холодом. Как она дышит, когда перестаёт держать лицо. Какой звук издаст, если медленно провести губами вдоль её позвоночника, сверху вниз, не торопясь, — и почувствовать, как она выгибается навстречу, не успев себя остановить.

Раньше желание было для меня функцией интереса. Я хотел людей до тех пор, пока они оставались загадкой, а когда разгадывал — желание гасло вместе с любопытством, аккуратно и предсказуемо, как лампочка от щелчка выключателя. С Джо эта формула ломалась. Чем больше я понимал её, тем сильнее тянуло. Тянуло телесно, низко, почти неприлич-

но по силе, тяжёлым жаром, который скапливался внизу живота каждый раз, когда я вспоминал её голос. И ни к какому интеллектуальному азарту это отношения не имело.

Мне хотелось увидеть, как этот её безупречный контроль ломается. Не от страха — от меня. Хотелось держать её запястья и смотреть, как её зрачки расширяются от возбуждения, превращая её ледяные глаза в тёмные. Хотелось, чтобы она сама потянулась ко мне, сама расстегнула мою рубашку, сама попросила — и чтобы я мог заставить её подождать.

И тянуло не на один вечер.

Вот что пугало меня по-настоящему. Мне мало было её получить. Мне хотелось, чтобы она стала моей так, как ничто и никто не был моим раньше. Чтобы её холод таял только при мне. Чтобы этот выверенный голос срывался только на моём имени. Чтобы в любой комнате, где бы она ни стояла, её взгляд первым делом искал меня, а не выход. Хотелось знать, как она выглядит, когда просыпается, что она говорит, когда злится по-настоящему, где у неё шрам, о котором она никому не рассказывает. Хотелось занять в её жизни столько места, чтобы ни одна её мысль больше не обходилась без меня.

Я знал, как называется такое желание. Я видел его в чужих историях и знал, чем оно обычно кончается, если ему поддаться: клеткой, на двери которой написано «любовь».

Поэтому я держал его на коротком поводке. Женщину вроде Джо нельзя взять. Её можно только дождаться. Всё,

что я заберу силой, она у меня отнимет обратно, а всё, что она отдаст сама, станет моим навсегда. Мне нужно было второе. И ради этого я готов был стоять у колонны столько вечеров, сколько понадобится, глядя на неё и не двигаясь с места.

Меня это злило. Голодом легко управлять, пока делаешь вид, что его нет. Я перестал делать вид.

Я надел костюм, который приберегал для встреч, где нужно производить впечатление, и приехал на пятнадцать минут позже начала. Ровно настолько, чтобы войти не в толпе, а когда зал уже заполнен.

Я нашёл её взглядом раньше, чем она меня. Она стояла в центре группы издателей и разговаривала с седым попечителем фонда. Тёмно-изумрудное платье, шёлк, который ложился на неё так, что половина зала забывала, о чём говорит. Прямая спина, улыбка той ширины, какую требовал момент, — та версия Джо, которую видел весь остальной зал.

При виде неё внутри всё подобралось, как перед прыжком. Пульс сбился, и для того, кто годами учил себя не выдавать реакций, это было почти унизительно.

Я занял место у стола Уоллеса, повернулся к нему и завёл разговор о налогах. Взял бокал с подноса и сжал ножку так, что Дэйв покосился на мою руку.

Пусть видит меня. Пусть видит, что я здесь и не иду к ней.

Я не смотрел на неё и всё равно уловил момент, когда она меня заметила. На мгновенье её взгляд замер. Я чуть повернул голову, только чтобы наши глаза встретились, коротко

кивнул, как кивают дальнему знакомому, и вернулся к собеседнику.

Дверь была открыта второй раз. Ближе, чем в прошлый.

Я слушал Дэйва, не слыша ни слова, и думал о том, что больше всего на свете хочу пересечь этот зал, взять её за руку и увести отсюда так, чтобы никто не посмел спросить куда. И что именно поэтому я буду стоять здесь и ждать, пока она подойдёт сама.

Потому что мне нужна была не одна ночь с ней. Мне нужна была она вся.

8. Джонквил.

Днём раньше я ещё не знала, что увижу его в библиотеке. Четверг начался с того, что Никки позвонила в дверь в восемь утра и не убрала палец с кнопки, пока я не открыла. Она была в состоянии, близком к ядерному взрыву.

На этот раз ей было плевать на меня, на мою книгу и на мою личную жизнь. Она бросила сумку на пол, рухнула на диван и издала звук, похожий на стон умирающего кита.

— Они потеряли инсталляцию, Кви, — простонала она, закрывая лицо руками. — Транспортная компания умудрилась потерять трёхметровую инсталляцию из стекла и металла за два дня до открытия выставки! Мой босс меня убьёт. А потом воскресит и уволит.

Я поставила перед ней чашку крепкого ромашкового чая. Никки работала куратором в одной из самых престижных галерей города, и её жизнь состояла из капризных художников,

сорванных дедлайнов и истерик спонсоров. В отличие от меня, каждую из этих драм она проживала на полной громкости.

— Трёхметровую инсталляцию не теряют, Никки, — сказала я, садясь напротив. — Это не ключи от машины. Проверь накладные на таможне. Скорее всего, контейнер задержали из-за маркировки.

Следующие сорок минут я слушала, как она ругает логистику, современное искусство и капитализм в целом. Кивала, вставляла реплики там, где нужно, и понемногу сбивала градус паники. Когда чай был выпит, а план спасения выставки набросан на салфетке, Никки откинулась на подушки и посмотрела на меня уже осмысленным взглядом.

— Ладно. С моим увольнением разобрались. Что у тебя с твоим маньяком из закрытого клуба?

— Джейденом, — поправила я. — Ничего. Неделя прошла. Я его не видела и не слышала.

Никки торжествующе фыркнула, мгновенно переключаясь в режим эксперта по отношениям.

— Я всю неделю об этом думала, — заявила она. — И знаешь что? Это классика. Дешёвый пикаперский трюк, Кви.

Я приподняла бровь.

— Я серьёзно! — Никки замахала руками. — Он сделал эффектный ход, появился, напугал тебя своей проницательностью, заставил о себе думать — и ушёл в тень. Это пауза, чтобы ты начала сомневаться. Чтобы сидела и думала: а до-

статочно ли я ему понравилась? Мой тебе совет: если объявится — игнорируй. Заморозь. Покажи, что тебе плевать.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри растёт странное, тихое одиночество.

Я любила Никки. Но сейчас отчётливо видела, какая пропасть лежит между тем, как мыслит она, и как мыслю я. Она видела в этом игру, где мужчина затихает, чтобы женщина занервничала. А Джейден не затихал. Он ждал. Он сел напротив меня в читальном зале, сказал, что не уйдёт, и оставил мне ход. Не использовал ни одного рычага, хотя прекрасно видел, где они у меня расположены. Ни звонка, ни сообщения, ни случайной встречи.

Неделю я ждала, что он сломается первым. Он не ломался. И я начинала понимать, что не сломается.

— Спасибо за совет, Ник, — мягко сказала я, не собираясь её переубеждать. — Я учту.

Она удовлетворённо кивнула, уверенная, что спасла меня от токсичных отношений, и потянулась за телефоном, но на полпути остановилась.

— Кстати. Ты завтра идёшь на открытие нового крыла библиотеки?

— Я в списке приглашённых авторов.

— Тогда надень изумрудное. То, шёлковое. В нём ты выглядишь так, что меценаты забывают, сколько у них денег.

— Я не собиралась никого впечатлять.

— Конечно, — Никки улыбнулась. — Надень изумрудное.

Она ушла выяснять отношения с таможней, и квартира погрузилась в тишину.

Телефон на столе коротко вздрогнул. Я перевернула его, ожидая очередного аварийного сообщения от Никки, и увидела одну строчку.

Ной: Я ждал. Каждое утро. До десяти.

Ни упрёка, ни вопроса. Два слова, после которых у меня пересохло во рту. Я не ответила на его приглашение в кафе и не пришла. Он сидел там два часа у окна, из которого видно мой подъезд, и хотел, чтобы я об этом знала. Я удалила сообщение, не открывая чат, и положила телефон экраном вниз.

А потом, сама того не ожидая, снова взяла его в руки.

Я могла найти Джейдена Армора за несколько минут. Имя у меня было, а людей я искать умела. Неделю я запрещала себе это делать, потому что это означало бы сделать шаг первой. Сейчас, после двух слов от Ноя, мне вдруг остро захотелось знать всё, что можно было узнать, о мужчине, который умеет остановиться. Не для того, чтобы найти в нём угрозу. Для того, чтобы понять, почему сообщения одного мужчины я удаляю не открывая, а мысль о другом не даёт мне уснуть пятую ночь. Я набрала его имя.

Результаты оказались скучными и предсказуемыми. Сайт частной клиники на Пятой авеню: строгий шрифт, ни одной фотографии интерьера. Пара строчек в справочнике психотерапевтов. Лицензия продлена в прошлом месяце. Упоминание в медицинском журнале пятилетней давности. Корот-

кое интервью для издания его университета, которое он явно давал нехотя — отвечал односложно, обходил личные вопросы и лишь однажды, говоря о выборе профессии, обронил, что его всегда интересовало не то, что люди говорят, а то, что они упорно не произносят.

Я перечитала эту фразу три раза.

Потом заметила другое. Диплом он получил в тридцать один. Лицензия через два года. Докторская степень — шесть лет назад, по вечерам, параллельно с практикой. Клинику открыл через три года после этого. А до диплома — ничего. Ни школьных фотографий, ни соцсетей юности, ни случайного упоминания в местной газете. Цифровой след начинался резко, с середины жизни, и уходил назад в пустоту, как дорога, обрезанная по линейке.

Так не выглядит тот, у кого нет прошлого. Так выглядит человек, прошлое которого кто-то тщательно убрал.

Я вспомнила его стойку на презентации, вес на обеих ногах, взгляд, который первым делом ложился на чужие руки. Догадка, которую я сделала в первый вечер, перестала быть догадкой. Это должно было меня насторожить. Вместо этого внизу живота медленно разлилось тепло.

Вечером я достала из шкафа изумрудное платье.

Я не собиралась его надевать. Просто хотела посмотреть. Шёлк скользнул по коже прохладно и тяжело, лёг на бёдра, открыл ключицы. Я стояла перед зеркалом и, к собственному раздражению, думала не о меценатах.

Я думала о том, как он смотрел на меня в читальном зале. О его руках на столе — тяжёлых, спокойных руках, которые явно умели больше, чем держать ручку.

Я представила эти руки на изумрудном шёлке. На своей талии. На застёжке за спиной.

Отражение в зеркале смотрело на меня с лёгким румянцем, которого я за собой не помнила уже много лет.

Я стянула платье и бросила его на кресло, злясь на себя. Неделю он не делал ни шага, а я стою в спальне и представляю, как он снимает с меня шёлк. Абсурд.

Но теперь я знала, где он работает. Знала, во сколько обычно открывается его клиника. Знала, что его прошлое обрывается на тридцать первом году.

Если он не придёт ко мне сам, я приду к нему.

Платье осталось лежать на кресле до утра.

9. Джейден.

Я продолжал слушать Дэйва, не слыша ни слова, когда воздух за спиной неуловимо изменился.

Сначала я почувствовал её запах — лёгкий, цветочный, тубероза с горьковатой нотой цветка апельсина, которую не спутаешь ни с чем в этом зале. Потом услышал шелест шёлка. Она не кружила по залу в поисках повода случайно столкнуться. Раздвинула толпу ровным шагом — так идут, когда заранее знают, куда, и остановилась у нашей группы.

— Дэйв Уоллес. — Голос прозвучал мягко и уверенно.

Дэйв тут же оживился, шагнул ей навстречу.

— Джо! Рад вас видеть. Позвольте представить. Джейден Армор, мой финансовый консультант.

Она перевела взгляд на меня. Вблизи изумрудный шёлк оказался почти чёрным в складках и вспыхивал зеленью там, где ложился свет. Открытые ключицы, тонкая цепочка на шее, ни одного украшения больше. Я заставил себя смотреть ей в глаза и почти справился.

На её губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Финансовый консультант?

Ни удивления, ни недоверия. Только весёлое, острое любопытство. Она протянула руку, и я взял её. Прохладные пальцы легли в мою ладонь и задержались там дольше, чем требовали приличия.

— А мне почему-то казалось, что вы работаете психотерапевтом, Джейден.

Я не сдержал улыбки.

— У меня много интересов.

— Конечно. — Она даже не моргнула. — Частная клиника на Пятой авеню. Лицензия продлена в прошлом месяце. Вы не очень хорошо прячетесь.

— А я и не прятался.

— Какая жалость. Я надеялась на что-нибудь сложнее.

Её пальцы всё ещё лежали в моей руке. Большой палец почти лениво прошёлся по внутренней стороне моего запястья, там, где бился пульс. Одно движение. Она знала, что делает. Она хотела почувствовать, как быстро у меня бьётся

сердце, и почувствовала.

Неделю я держал дверь открытой — и она вошла сама. Не случайно столкнулась, не позволила себя найти. И теперь стояла передо мной спокойная, явно довольная собой, и вела большим пальцем по моему запястью, будто проверяла, не ошиблась ли в расчётах.

Дэйв подхватил с подноса два бокала — мне шампанское, ей воду, не спрашивая, — пробормотал что-то про старых друзей и тактично исчез.

Я наклонился ближе. Достаточно, чтобы она почувствовала тепло моего дыхания у виска.

— Вы проверяли меня?

— Конечно.

— И что нашли?

— Пока ничего особенно интересного.

Я усмехнулся.

— Лгунья.

— Почему?

— Потому что вы всё ещё стоите здесь. И всё ещё держите меня за руку.

Она не улыбнулась, но руку она не убрала.

— Может быть, мне нравится ваша клиника.

— Разумеется.

— А может, мне нравится ваш финансовый консалтинг.

— Он довольно посредственный.

— Я уже заметила.

Она наконец отпустила мою руку, и кожа там, где лежали её пальцы, продолжала гореть.

— А вы всегда так тщательно проверяете людей, которые вам нравятся? — спросил я.

— Я не говорила, что вы мне нравитесь.

— Нет. Не говорили.

— Тогда с чего вы взяли?

— Вы искали меня.

— Искала, — сказала она спокойно, не пытаясь смягчить признание.

От этого одного слова меня рвануло с поводка, и мне стоило усилия удержаться. Неделю я убеждал себя, что умею ждать. Сейчас я стоял в шаге от неё и понимал, что ждать больше не умею вовсе.

— И? — Голос прозвучал ниже, чем я рассчитывал.

— Мне было интересно.

— Что именно?

Она посмотрела на меня поверх бокала с минеральной водой. Свет от люстр дробился в воде и в её глазах одновременно.

— Какой вы будете рядом со мной, когда перестанете изображать человека, которого я встретила на презентации.

— И как вы собираетесь это узнать?

Её взгляд на секунду опустился к моим губам и задержался там. Долго. Достаточно долго, чтобы я понял, что она делает это нарочно, и достаточно долго, чтобы это сработало.

— Насколько хорошо вы умеете держать себя под контролем.

Я усмехнулся, хотя смеяться мне не хотелось. Мне хотелось взять этот бокал из её пальцев, поставить на ближайший стеллаж, положить ладонь на изумрудный шёлк у неё на пояснице и выяснить прямо здесь, при всех меценатах города, насколько хорошо она сама умеет держать себя под контролем.

Притянуть её к себе так, чтобы между нами не осталось воздуха. Провести губами по линии челюсти к тому месту под ухом, где бился пульс, и почувствовать, как он сбивается. Сжать в ладони тонкую ткань на её бедре и медленно, сантиметр за сантиметром, потянуть шёлк вверх. Увести её за дальние стеллажи, в полумрак между полками, прижать спиной к корешкам старых книг и целовать, пока этот холодный, насмешливый рот не начнёт отвечать — сначала неохотно, потом жадно. Пока она не вцепится мне в лацканы и не забудет, что в зале в двадцати метрах от нас пьют шампанское люди, которые знают её лицо по постерам.

Я понял, что уже шагнул к ней, только когда аромат её духов стал ближе. Полшага. Я не собирался его делать. Пальцы правой руки сами потянулись к её талии и остановились в сантиметре от шёлка.

Я сжал их в кулак и опустил руку.

Она это видела. Конечно, видела. Она заметила и полшага, и руку, и кулак — и в её глазах мелькнуло тёмное удо-

вольствие.

— Это профессиональный интерес? — спросил я.

Она сделала глоток, не отводя от меня глаз.

— Нет. Уже нет.

И ушла.

Не оглянулась, не замедлила шаг. Изумрудный шёлк скрылся за чужими смокингами, а я остался стоять с пустой ладонью и пульсом, который никак не хотел успокаиваться.

Я медленно выдохнул.

Мне хотелось пойти за ней. Догнать у выхода, развернуть к себе и не отпускать, пока она не перестанет улыбаться этой своей холодной улыбкой. Я знал, что могу это сделать. Знал, что она этого ждёт, и именно поэтому остался на месте.

Она пришла ко мне сама. Теперь была моя очередь не спешить.

У дверей зала она всё-таки обернулась. Один короткий взгляд через весь зал, поверх голов и бокалов, прямо на меня.

Этого взгляда мне хватило бы на неделю. Но второй раз ждать неделю я не собирался.

10. Джонквил.

Я закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, не включая света.

Туфли остались лежать посреди коридора — я сбросила их, не глядя, и в любой другой вечер это раздражало бы ме-

ня до утра. Сегодня было всё равно. Изумрудный шёлк холодил кожу, а под ним всё ещё горело так, словно я принесла этот вечер домой на себе: приглушённый свет библиотеки, запах вина и старой бумаги, гул голосов и его дыхание у моего виска.

Я прокручивала наш разговор по секундам. И раз за разом возвращалась к одному.

К моему большому пальцу на его запястье.

Я сделала это нарочно. Хотела знать, насколько быстро бьётся у него сердце, и узнала: слишком быстро для того, кто весь вечер изображал, что моё присутствие его не касается. Под кожей у него бился тяжёлый, упрямый пульс, и мой ответил ему, не спросив разрешения у головы.

А потом его вопрос. Голос без всякой иронии, низкий и чуть хриплый:

Это профессиональный интерес?

И мой ответ, слетевший с губ быстрее, чем я успела его взвесить:

Нет. Уже нет.

Я открыла глаза и посмотрела в темноту гостиной.

Я сказала это не ради эффекта и не затем, чтобы оставить за собой последнее слово. В ту секунду, глядя в его потемневшие глаза, я впервые поняла, что говорю правду. Я хотела его. Не как партнёра для красивой картинки, не как задачу, которую интересно решить. Его самого. Его рука в сантиметре от моей талии. Кулак, в который он её сжал. Я ви-

дела, чего ему это стоило, — и именно от этого у меня до сих пор дрожали колени.

Я завела руку за спину и медленно потянула молнию вниз.

Шёлк скользнул по плечам, по груди, по бёдрам и лёг на пол тёмной лужей. Я стояла в темноте, слушая, как шумит за окном ночной город, и думала о том, что было бы, если бы он пошёл за мной. Если бы догнал у выхода, развернул к себе и не стал ничего говорить. Его ладонь на моей спине — там, где только что была застёжка. Его губы там, где у меня до сих пор горел висок.

Я обернулась у дверей зала. Не собиралась, а обернулась. Он стоял на том же месте и смотрел на меня так, словно уже знал, как я выгляжу без этого платья.

Я подняла шёлк с пола и бросила на кресло. Накинула халат и пошла на кухню за водой. Руки слегка дрожали.

Телефон на кухонном столе завибрировал. Никки. Час ночи.

— Да?

— Ну? — требовательно раздалось в трубке.

— Что «ну»?

— Ты его поцеловала?

Я усмехнулась. Только Никки умела свести любую многоуровневую проблему к одному глаголу.

— Нет. Я его не поцеловала.

— Тогда почему у тебя такой голос?

— Какой?

— Голос женщины, которая его не поцеловала, но очень хотела, — безапелляционно заявила она.

Я опустилась на барный стул, натягивая на колени край халата.

— Он был на вечере фонда.

— И?

— Я сказала ему, что знаю, где он работает.

— Ты его гуглила?

— Да.

Никки на секунду замолчала.

— Кви.

— Что?

— Ты его гуглила.

— И?

— Ничего. Обычно ты ждёшь, пока люди сами о себе расскажут. Пойду куплю шампанское.

— Он мне интересен.

Я слышала, как на том конце шуршит пакет — Никки открывала очередную пачку чипсов.

— Кви, — её голос вдруг потерял обычную шутливость. — Он тебе нравится?

Я замерла. В любой другой день ответила бы фирменным «возможно». Сегодня слишком устала от масок.

— Я его хочу, — сказала я. — А нравится ли — не знаю.

— Ничего себе, — хмыкнула Никки. — Это уже прогресс.

— Почему?

— Потому что раньше ты вообще не задавалась этим вопросом. Люди тебе были либо полезны, либо мешали. А сейчас ты сидишь в час ночи и не знаешь. Спокойной ночи, подруга. Постарайся не сломать себе мозг. И ещё. Мой совет про «заморозь» — забудь. Беру обратно.

Она отключилась.

Я ещё немного посидела в темноте, глядя на погасший экран. Потом он снова вспыхнул.

Ной: Видел твои фотографии с благотворительного вечера. Изумрудное тебе всегда шло.

Я отложила телефон. Фотографии с приёма уже висели на сайте фонда — ничего странного в том, что он их видел.

Ничего странного.

Экран загорелся снова.

Ной: Ты долго держала его за руку. Раньше ты так держала меня.

Пальцы похолодели.

На официальных снимках этого не было. Я знала это точно: фотограф фонда снимал меценатов у подиума, а мы с Джейденом стояли у стола Уоллеса, в стороне от света. Это видел только тот, кто был в зале. Или тот, кому кто-то из зала прислал снимок.

Я вспомнила человека с презентации. На благотворительном вечере я его не видела. Но я и не искала.

Телефон завибрировал в третий раз.

Ной: И ты обернулась у дверей. На кого ты смотрела,

Джо?

Я сидела неподвижно, глядя на эти слова, и чувствовала, как по позвоночнику ползёт холод, вытесняя тот жар, с которым я вернулась домой.

Он знал. Не догадывался, не додумывал по фотографии. Он знал, куда я смотрела в ту секунду, когда сама не собиралась оборачиваться.

Я открыла его контакт и занесла палец над кнопкой «Заблокировать».

И не нажала.

Заблокировать — значит перестать видеть, что он делает. Ной от этого не исчезнет, он станет невидимым. А с невидимым врагом я воевать не умела. Пусть пишет. Пусть каждое его сообщение ложится в общую картину, как улика. Чем больше он говорит, тем больше выдаёт.

Я не ответила ни на одно. Перевернула телефон экраном вниз и пошла в кабинет.

Город за окном окончательно уснул. Я включила маленькую лампу, открыла ноутбук и долго смотрела на документ новой книги, где мигал курсор.

Пыталась работать. Заставляла себя складывать слова в предложения, но мысли упрямо возвращались то к Джейдену, то — с совсем другим привкусом — к трём сообщениям на перевёрнутом телефоне.

И вдруг, глядя на экран, я поняла одну вещь.

Я больше не хотела вписывать Джейдена в свою книгу. Не

хотела делать из него картонного персонажа, наделять выдуманными мотивами и чужими травмами, чтобы убить в конце третьей главы. Он перестал быть материалом.

Я хотела знать, какой он, когда ему не нужно быть Джейденом Армором, который всегда знает, что сказать. Что заставляет его смеяться. Что злит его по-настоящему. Какой кофе он пьёт по утрам. Каким он был раньше — до диплома и клиники.

И каким будет, когда перестанет держать себя в руках рядом со мной.

Последняя мысль была самой опасной, и я позволила себе задержаться на ней дольше, чем следовало. Его руки. Его голос у самого уха. Пульс под моим пальцем, который сбился, как только я его коснулась.

Я закрыла ноутбук около трёх. Телефон на кухне коротко вздрогнул. Я не хотела смотреть. Посмотрела.

Ной: Спокойной ночи, Джо. В кабинете ты сидишь дольше, чем раньше. Новая книга?

Я подняла глаза на тёмное окно. За стеклом была пустая улица, мокрые фонари, ряд припаркованных машин. Никого.

Я выключила лампу, и в темноте стало видно лучше. Улица по-прежнему была пустой. Но где-то там, за этим стеклом, был человек, который знал, что мне сегодня не спится.

И впервые за весь вечер мне хотелось не того, чтобы рядом оказался Джейден, — а того, чтобы Ной никогда больше

не знал обо мне ничего.

11. Джейден.

Благотворительный вечер изменил всё.

Я сидел дома у окна и снова прокручивал в голове тот момент. В её глазах не было ни капли растерянности, когда она назвала мою настоящую профессию. Только холодный, блестящий триумф женщины, которая сделала свой ход. Она искала меня. Клиника, лицензия, всё, что лежало на поверхности. И, судя по тому, как она на меня смотрела, кое-что из того, что лежало глубже. Она сделала шаг. Теперь у меня было право на ответный.

Её номер всё это время лежал в одном звонке от меня — у организатора презентации, который охотно продиктовал бы его ещё неделю назад. Тогда я не позвонил. Теперь позвонил, и через десять минут номер был у меня.

Я долго смотрел на пустое поле сообщения. Потом набрал:

Вы всё ещё хотите проверить, насколько хорошо я умею держать себя под контролем? Кофе сегодня?

Ответ пришёл через четыре минуты.

Откуда у вас мой номер?

Я усмехнулся.

У меня много интересов, Джо. И хорошие связи. В три?

На этот раз пауза длилась дольше. Я почти видел, как она сидит над экраном, взвешивая, стоит ли злиться, что я пробрался к ней без спроса, или после вчерашнего вечера у неё нет на это права.

Договорились».

Место я выбрал тщательно. Не пафосный ресторан с приглушённым светом, не закрытый клуб, где статус звенит в каждом бокале. Хорошая кофейня в тихом районе, пропахшая обжаренными зёрнами и свежей выпечкой, с большим окном на улицу и столиком у стены, откуда видно и вход, и витрину.

Я пришёл раньше и сознательно оставил броню дома. Ни костюма на заказ, ни шёлкового галстука, ни запонок. Тёмный кашемировый свитер и джинсы. Я хотел увидеть, как она отреагирует, если убрать весь антураж опасности и респектабельности. Захочет ли она разговаривать со мной, а не с загадкой из зала библиотеки.

Джо появилась ровно в три. Бежевый тренч, распущенные чёрные волосы — она выглядела непривычно мягко, пока не подняла на меня светлые голубые глаза. Потом села напротив, окинула меня внимательным взглядом и откинулась на спинку стула.

— И где ваш костюм финансового консультанта?

— Сдал в химчистку. — Я улыбнулся. — Решил, что сегодня обойдёмся без масок.

— Жаль. Я только начала к нему привыкать.

— А к доктору Армору?

— Он подозрительно самоуверенный, — парировала она и в голосе слышался смех.

Мы заказали кофе, и пинг-понг подколок постепенно

стих. Воздух между нами стал спокойнее. Соревноваться, кто кого переиграет, больше не требовалось: мы уже доказали друг другу, что стоим на одной ступени.

— Так почему психотерапия? — спросила Джо, согревая длинные пальцы о чашку капучино. — Только не говорите про светлое желание помогать людям.

— Мне всегда было интересно, почему люди делают то, что делают. Что ими движет на самом деле, когда они прячутся за правильными мотивами.

— Даже когда они сами этого не понимают?

— Особенно тогда.

Она медленно кивнула, глядя в кофе. Потом подняла глаза.

— А до тридцати одного года вам это было неинтересно?

Вопрос прилетел мягко, почти между делом. Я не сразу понял, откуда она знает цифру, — а потом понял — и на секунду перестал дышать. Она нашла не только клинику. Она нашла место, где мой след обрывается.

— Было интересно, — ответил я, не меняя тона. — Просто я тогда изучал людей другими методами.

Это сорвалось само, и я пожалел сразу.

— Какими? — Она не отводила взгляд.

— Менее гуманными.

Секунду она смотрела на меня молча, и в этой секунде было больше понимания, чем я хотел ей позволить. Потом кивнула — не мне, себе, словно поставила галочку в списке,

который давно вела.

— Я делаю то же самое, когда пишу, — сказала она тихо, уводя разговор обратно на безопасную землю. — Люблю наблюдать за людьми. Достраивать то, что они отчаянно прячут. Иногда мне кажется, что выдуманные люди честнее настоящих.

— Поэтому вы постоянно меня анализируете? — Я подался вперёд.

— Только когда человек интересный.

Мы перешли к изнанке наших профессий, обменивались историями про клиентов и читателей, и в какой-то момент она рассмеялась так заразительно, что я рассмеялся сам — громко, не рассчитывая эффект заранее.

Джо замерла. На её лице появилась настоящая улыбка — живая, тёплая, без дозированной теплоты для публики. И я поймал себя на мысли, что мне нравится не разгадывать её. Мне нравится она сама — женщина в бежевом тренче напротив, с крошкой корицы на нижней губе, которую она не замечала.

Я смотрел на эту крошку дольше, чем следовало. Мне хотелось стереть её большим пальцем. Губами — ещё больше.

— А какой вы на самом деле, Джейден? — спросила она негромко, когда мы допивали кофе. — Когда вас никто не видит?

— Наверное, гораздо скучнее, чем вам хотелось бы.

— Не думаю, — сказала она.

Мы вышли на прохладную улицу. Из-за угла вылетел велосипедист. Я шагнул к Джо, перехватил её за локоть и притянул ближе. Он пронёсся мимо, обдав нас холодным воздухом, но я не убрал руку. Она не отстранилась. Повернула голову, и наши лица оказались в непозволительной близости — так близко, что я видел, как у неё расширились зрачки и как дрогнуло горло на вдохе.

Я мог её поцеловать. Прямо здесь, на тротуаре, на глазах у прохожих. Она не отступила бы — это читалось во всём: в том, как она замерла, как её пальцы легли мне на предплечье и не сжались, а остались лежать, тёплые сквозь кашемир.

— У вас вообще бывают женщины, которых вы не пытаетесь понять? — спросила она тихо, глядя на мои губы.

— Больше нет, — ответил я.

Я не поцеловал её. Не потому, что не хотел, — хотел так, что пришлось убрать руки в карманы. Потому что знал: если начну сейчас, то не остановлюсь на одном поцелуе, а улица для этого была неподходящим местом.

У такси она остановилась и посмотрела на часы.

— Мы просидели там три часа, — сказала она, взглянув на часы. — Обычно мне хватает двадцати минут, чтобы понять, с кем я разговариваю.

— А сейчас?

— А сейчас не понимаю.

Она уже взялась за ручку двери, когда вдруг остановилась. Взгляд метнулся через дорогу — к мужчине у витрины

кофейни напротив, который в ту же секунду развернулся и ушёл за угол. Я успел увидеть только тёмное пальто и спину. Обычную спину обычного мужчины в обычном пальто.

Но Джо изменилась в лице. Совсем немного побледнела, на полтона, — заметить мог только тот, кого этому учили. Меня учили.

— Что? — спросил я.

Она моргнула и посмотрела на пустой угол ещё секунду. Потом качнула головой.

— Ничего. Показалось.

Сказала она это слишком быстро. И не мне — себе. Так говорят люди, которые хотят верить в собственные слова и не до конца верят.

— Джо.

— Показалось, Джейден. — Она улыбнулась, и улыбка вышла гладкой, публичной, такой, какую я видел на презентации. — Я в последние дни мало сплю. Мерещится всякое.

Она села в такси, и дверь закрылась. Я проводил машину взглядом, пока она не скрылась за поворотом, и остался на тротуаре один.

Потом пересёк улицу и дошёл до угла.

Никого. Ряд припаркованных машин, мокрый асфальт, женщина с собакой в конце квартала. Тот, кто стоял у витрины, исчез так же быстро, как появился, и не оставил ничего, кроме ощущения, которое я знал слишком хорошо. За Джо следили. И она это знала — или почти знала — и не сказала

мне ни слова.

Я пошёл к машине.

Внутри всё горело, и не только от злости. Я думал о её губах — конкретно и физически, без всякой аналитики. О том, какими они были бы на вкус. О том, как её волосы рассыпались по плечам, когда она смеялась, и как мне хотелось запустить в них пальцы. Это было не восхищение красивой женщиной. Это было желание, которое не спрашивает разрешения у рассудка и плевать хотело на мою систему контроля.

А следом пришло другое, и разозлило меня по-настоящему.

Я вспомнил приём в библиотеке. Мужчин, которые подходили к ней, — издателей, спонсоров, критика, слишком долго державшего её руку при рукопожатии. Тогда я отметил это как фоновую деталь. Сейчас она вернулась совсем с другим градусом.

Кто-то смотрел на неё. Кто-то стоял через дорогу и смотрел, как она смеётся со мной три часа подряд, как я держу её за локоть, как она садится в такси. И от этой мысли меня скрутило в тугую пружину, которую пришлось разжимать усилием воли.

В этом не было логики. Я не знал, кто это. Не знал, был ли там вообще кто-то, кроме случайного прохожего. Но тело отозвалось коротким, горячим, древним импульсом.

Моя.

Я сел за руль и не стал заводить двигатель. Смотрел на

тёмную улицу и честно признавался себе: я хочу, чтобы она принадлежала мне. Не как разгаданная головоломка, не как трофей. Буквально. Физически, безраздельно, так, чтобы ни один мужчина больше не рассчитывал на то же внимание, ту же улыбку, те же три часа у окна. И чтобы никто в тёмном пальто больше не смел стоять у витрины напротив и смотреть на неё, когда она думает, что её не видят.

Я сжал руль до боли в костяшках пальцев. Она сказала, что ей показалось.

Мне не показалось.

12. Джонквил.

Воскресное утро всегда было временем бескомпромиссного отдыха от людей. Никаких встреч, никаких звонков — тишина, крепкий чёрный кофе и планирование следующей недели. Этот ритуал возвращал меня к заводским настройкам, вычищая из головы чужой шум.

В это воскресенье шума было слишком много, чтобы его вычистить.

Я проснулась в шесть, после трёх часов сна, и первым делом посмотрела на телефон. Ничего от Ноя. Это должно было успокоить. Не успокоило: тишина от Ноя всегда означала, что он занят чем-то другим, а не что он отступил. Перед глазами стояла спина в тёмном пальто у витрины напротив кофейни. Я сказала Джейдену, что мне показалось, и повторяла себе это всю ночь, пока не поняла, что повторение и есть ответ.

А под этим холодом, глубже, мешая ему, горело другое. Три часа за столиком у окна. Его смех, громкий и настоящий. Его рука на моём локте, когда пролетел велосипедист, и то, как близко было его лицо. Я видела, как он смотрел на мои губы, и видела, что он остановился. Сознательно. Ради чего-то, чего я не понимала и что хотела понять до зуда в пальцах.

Новая книга стояла третью неделю. Дедлайн по синопсису был через десять дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.